

Елена Суркова, Минск

ТЕКСТ, ДИСКУРС И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

0. Введение

1. Текст и дискурс в перспективе когнитивной лингвистики
2. Отражение языковой картины мира в категориях текста
3. Религиозный дискурс как способ отражения религиозной картины мира
4. Реализация сакральной и профанной картин мира в тексте древнеславянской молитвы
5. Принятые сокращения
6. Литература

0. Введение

Текст как форма фиксации знаний о мире и как источник экспликации понятий, идей, концептов, из которых складывается картина мира, начал анализироваться в системе теоретического языкознания и когнитивной лингвистики сравнительно недавно (ЛАКОФФ 1988, 1995; КУБЯКОВА 2001, 2004; ДЕМЬЯНКОВ 1983, 1994; КИБРИК 1994; НОВИКОВ 1997; LIEB 1987; FELIX, KANNGIESSER 1990; GARNHAM 1987; SCHLESINGER 1995; PANAGL 2004). Прежде чем стать одним из центральных объектов концептуального анализа в сфере когнитивной лингвистики, текст описывался как наиболее очевидная реальность языка в терминах лингвистики текста (АСПЕКТЫ 1982; ВАН ДЕЙК 1989; МОСКАЛЬСКАЯ 1981; НИКОЛАЕВА 2000; ПАДУЧЕВА 1996; DRESSLER 1972; WEINRICH 1976). Затем наряду с элементами других подсистем языка (прежде всего лексической и грамматической) текст был привлечен к особому типу научных изысканий (ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА 1991-1995, 2008 и др.), ориентированных на отбор и интерпретацию ключевых концептов ментального мира (КОЛЕСОВ 1992; ВЕЖБИЦКАЯ 1996; АРУТЮНОВА 1998; БАРТМИНСКИЙ 2005; СТЕПАНОВ 1998; ТЕЛИЯ 1996; ЦИВЬЯН 1990; ШМЕЛЕВ 2002; LANGACKER 2002; RUDZKA-OSTYŃ 1993). В контексте данных исследований стало очевидно, что когнитивный аспект изучения текста предполагает анализ его концептуальной структуры, поскольку речевые произведения репрезентируют картину мира в сложной целостности образов и форм языкового мышления.

Кроме того, основания для лингвистических исследований текста в когнитивном ключе были заложены семиотикой текста (ИЗ РАБОТ 1997; Ю.М. ЛОТМАН 1994; ЛЕВИН 1995; STRUCTURE OF TEXTS 1973), открывшей, что знаковые феномены (и в частности, тексты) особым образом кодируют область когнитивных категорий, с одной стороны, и экстралингвистическое знание, отраженное в сфере культуры, с другой. Это обусловлено тем, что культура является структурой высшей моделирующей способности, хранящей «культурные коды», посредством которых строятся целостные модели мира. Данные системы надстраиваются над знаковыми системами естественных языков и являются вторичными по отношению к ним. А это значит, что семантика таких вторичных систем может быть описана путем обращения к естественному языку, который служит их источником.

1. Текст и дискурс в перспективе когнитивной лингвистики

Становление лингвистического понятия *текст* опирается на целый ряд аспектов, многие из которых связаны с вопросами о том, какое содержание следует вкладывать в понятие *текст*; каково его отношение к языку и речи; возможно ли признание за текстом функции языкового знака; какова природа категориальных признаков текста и др. Но на какой бы основе текст ни определялся, бесспорен тот факт, что текст есть первичная данность всего гуманитарно-филологического мышления и является той непосредственной действительностью, из которой только и может исходить это мышление (БАХТИН 1986, 297). Так, весь ход развития науки о языке по существу опирается на текст, поскольку посредством текста познается бытие языка, те его закономерности, которые раскрываются при функционировании языковых единиц в отрезках, больших, чем предложение. Таким образом, интерес языковедов к изучению текста вызван «стремлением объяснить язык как глобальное явление, как цельное средство коммуникации» (КОЛШАНСКИЙ 1978, 27).

Проблемами текста занимались текстуальная грамматика и дискурсивный анализ, транслингвистика и гиперсинтаксис. Текст выступал как объект текстологии и предмет стилистики текста. Новые задачи в изучении текста поставила лингвистика текста, предметом которой стало «построение, порождение текста, его конституирующие элементы с точки зрения как формальной, так и содержательной его структуры, с точки зрения формирования его смысла» (РЕФЕРОВСКАЯ 1983, 4).

Исследователи до сих пор констатируют тот факт, что общепризнанного определения текста в лингвистике не существует. В первые десятилетия развития лингвистики текста авторы наиболее цитируемых работ акцентировали внимание на различных аспектах природы текста. Так, В. Скаличка основным его свойством считал семантическое единство (SKALIČKA 1961, 73); А. Богуславский определял текст, основываясь на его формальной стороне (BOGUSŁAWSKI 1978); И.Р. Гальперин характеризовал текст как формально-смысловое единство, которое необходимо изучать в плане содержания (или коммуникативного членения) и в плане формального (лексико-грамматического) построения (ГАЛЬПЕРИН 1981, 103 и след.); О.И. Москальская рассматривала текст с функциональной точки зрения как «высшую коммуникативную единицу, обслуживающую самые различные сферы общества» (МОСКАЛЬСКАЯ 1980, 33); отмечалась также связь текста с когнитивной функцией языка – текст понимался как «продукт речемыслительной деятельности людей, возникающей в процессе познания окружающей действительности» (АБРАМОВ 1972, 70).

Отсутствие универсального определения понятия текста (систематизацию дефиниций текста см. HELBIG 1986), можно объяснить тем, что сведение всей совокупности разнообразных текстов в единую систему так же сложно, как выделение из этой совокупности некоторого набора свойств и характеристик, который был бы регулярным и обязательным для представления текста в виде классической научной категории. Поэтому исследователи часто сводят свое понимание текста к формуле

$T \Rightarrow P$ (текст равен предложению или же “больше” предложению).

Первое равенство в структуре данной формулы ($T=P$) позволило поставить вопрос о категориальных признаках и свойствах текста и о возможности их существования в «свернутом» виде. Речь идет о минитекстах, или текстах-примитивах типа «Посторонним вход воспрещен», «Суши вёсла» (название ресторана) и т.д. Текстами-примитивами также являются вывески и заглавия книг, названия спектаклей и кинофильмов, а также рубрики в каталогах и предметных указателях (см. САХАРНЫЙ 1991). Если полагать, что эти единицы заключают в себе итоги акта коммуникации, то в критерии текста следует включить его потенциальное существование в виде некой программы

последующего возможного текстуального развертывания. Кроме того, подобные речевые образования намечают такие признаки текста, как информационная самодостаточность (т.е. содержательность, смысловая завершенность и прагматическая целостность) и адресатность (ориентация на определенный круг людей).

Исходя из второй части указанной формулы ($T > II$), лингвистика текста разработала два основных направления изучения текста. Одно из них опирается на структурные схемы предложения и от предложения восходит к изучению (частично стилистически ориентированному) более крупных единиц – текстов (DANEŠ 1971; AGRICOLA 1979; ПАДУЧЕВА 1974). Второе направление избирает текст как основную точку отсчета и исследует составляющие текст единицы (SGALL 1979; ROZENGREN 1980). Из этих двух направлений первое представляет собой, по-видимому, лишь предварительный этап лингвистики текста, так оно охватывает промежуточные сферы между традиционной лингвистикой, которая останавливается на предложении как на конечном объекте своего исследования, и лингвистикой текста, изучающей текст в целом. Второе направление, ориентированное на характеристику текста исключительно в терминах лингвистики, сталкивается с определенными трудностями (которые касаются не только описания глубинной структуры текста, выделяемой сложнее, чем структура предложения, но также изучения различных явлений, связанных с проблемой связности текста и др.). Кроме того, описывая текст, приходится учитывать и его коммуникативные аспекты, которые выходят за пределы компетенции лингвистики.

Таким образом, следует отметить, что разработка текста в современной лингвистике в основном осуществлялась в рамках грамматических концепций, что привело к недостаточной исследованности содержательной структуры текста. Вовлечение текста в систему когнитивной лингвистики, в частности, применение методов концептуального анализа текста, как представляется, может дополнить наши представления о тексте. Сближение лингвистической теории текста с когнитивистикой позволит ввести в обсуждение проблематики текста новые аспекты, в частности, связанные с теорией дискурса.

В современной научной парадигме наряду с термином *текст* активно используется термин *дискурс*, который, как и текст, имеет множество толкований. Так, в англоязычной лингвистической традиции с начала 70-х годов XX века «дискурс» синонимичен понятию «функциональный стиль»: оба подразумевают типы функционирования язы-

ка, обусловленные контекстуальными, ситуативными переменными (VAN DIJK 1983; WODAK 1996, 2001; O'HALLORAN 2003). Однако если в случае с функциональным стилем мы имеем дело с его реализацией в сфере коммуникации и обусловленностью системой используемых в ней языковых средств, то дискурс понимается как исторически и социально определенный тип языка.

Другое направление исследования дискурса интерпретирует его как специфический свертхтекст, который в равной степени адекватно может быть соотнесен с сосюрговской *parole*, а также собственно с понятием *текст*. В частности, отождествление терминов *дискурс* и *текст* характерно для текстологической концепции А.Ж. Греймаса и Ж. Курте, которые в сфере языковой практики предлагают рассматривать дискурс «как объект научной дисциплины лингвистики дискурса или дискурсивной лингвистики (*linguistique discursive*). В этом последнем смысле дискурс является синонимом “текста”. В самом деле, в некоторых европейских языках, не имеющих термина, адекватного франко-английскому “дискурс”, его вынуждены были заменить термином “текст” и, соответственно, говорить о лингвистике текста (*linguistique textuelle*)» (ГРЕЙМАС, КУРТЕ 1983, 488).

Систематизируя результаты исследований французской текстологической школы (см. КВАДРАТУРА СМЫСЛА 1999), П. Серио характеризует понятие *дискурс* со следующих позиций:

(1) дискурс эквивалентен понятию «речь» в сосюрговском смысле, т.е. это любое конкретное высказывание;

(2) дискурс – это единица, по размеру превосходящая фразу; то, что является предметом исследования «грамматики текста», изучающей последовательность отдельных высказываний;

(3) в рамках теории высказывания или прагматики «дискурсом» называют воздействие высказывания на его получателя и его включение в «высказывательную» ситуацию (что в свою очередь подразумевает субъекта высказывания, адресата, момент и определенное место высказывания);

(4) термин «дискурс» нередко употребляется для обозначения системы ограничений, которые накладываются на неограниченное число высказываний в силу определенной социальной и идеологической позиции;

(5) дискурс – это теоретический конструкт, предназначенный для исследований условий производства текста (СЕРИО 2001, 550).

В русскоязычной лингвистике понятие *дискурс* представлено с точки зрения того вида интерпретации, который ложится в основу опреде-

ления (см. КУБЛЯКОВА 2000). Различают формальный, функциональный и ситуативный виды интерпретации (МАКАРОВ 1998, 68-75). Под *формальной* интерпретацией понимается представление о дискурсе как об образовании выше уровня предложения (сверхфразовом единстве, сложном синтаксическом целом; на первый план здесь выдвигается система средств, обеспечивающих целостность данного образования). *Функциональная* интерпретация в широком смысле – это понимание дискурса как процесса использования языка и его реализации в речи во всех ее разновидностях. Такая трактовка дискурса соответствует противопоставлению дискурса как процесса и текста как продукта речи (либо текста как виртуальной сущности и дискурса как актуализации этой сущности). *Ситуативная* интерпретация дискурса подразумевает учет социально, психологически и культурно значимых условий и обстоятельств коммуникации, т.е. сферу прагмалингвистического исследования (в связи с этим закономерным представляется привлечение дискурса к разработкам в области теории речевых актов, текстоцентричных концепций когнитивной лингвистики и психолингвистики).

Следует отметить, что общим для всех перечисленных направлений является интерес к выявлению связи между закономерностями текстообразования и так называемым «человеческим фактором», который вбирает все аспекты проявления индивидуальных, социальных, культурных и национальных особенностей адресанта и адресата. В поле когнитивной лингвистики перспективным является понимание дискурса как основного средства проявления человеческой жизни “в языке” – того, что Б.М. Гаспаров называет *языковым существованием*:

«Всякий акт употребления языка – будь то произведение высокой ценности или мимолетная реплика в диалоге – представляет собой частицу непрерывно движущегося потока человеческого опыта. В этом своем качестве он вбирает в себя и отражает в себе уникальное стечение обстоятельств, при которых и для которых он был создан... К этим обстоятельствам относятся (1) коммуникативные намерения автора, (2) взаимоотношения автора и адресатов, (3) всевозможные “обстоятельства”, значимые и случайные, (4) общие идеологические черты и стилистический климат эпохи в целом и той конкретной среды и конкретных личностей, которым сообщение прямо или косвенно адресовано, в частности, (5) жанровые и стилевые черты как самого сообщения, так и той коммуникативной ситуации, в которую оно включается; (6) множество ассоциаций с

предыдущим опытом, так или иначе попавших в орбиту данного языкового действия» (ГАСПАРОВ 1996, 10).

Человеческий опыт органически включает этнокультурные модели и стереотипы поведения, которые находят выражение в речи. Этнокультурные характеристики дискурса отчетливо прослеживаются в соответствующих речеповеденческих ситуациях, представляющих собой повторяющиеся «фрагменты социальной жизни и приобретающих ритуальный характер» (ВЕРЕЩАГИН, КОСТОМАРОВ 1999, 12). Особую роль в аккумуляровании культурного опыта этноса в целом играют прецедентные тексты (КАРАУЛОВ 1987, 218), т.е. те тексты, которые, будучи хорошо известны представителю данной культуры, обеспечивают его вхождение в коммуникативное пространство этой культуры.

Таким образом, перспектива исследования текста с учетом представлений о дискурсе определяет возможность рассмотрения *текста* как (1) некоторой абстрактной схемы, модели сложного законченного целого, относящейся к области языка (ср. понятие *текстема* у Х. Буссмана (BUSSMANN 1990, 776)), и (2) как конкретной реализации этой модели из элементов системы, понимаемой как грамматика (набор правил) и словарь (процесс такой реализации носит дискурсивный характер). При переходе от парадигматики к синтагматике оппозиция *язык/речь* может быть представлена как оппозиция *не-текст/текст*.

«Это отрицание (не-текст) кладет как бы непреодолимый рубеж между оппозициями, невольно заставляя видеть в первом члене своего рода неодухотворенный склад материалов, расположенных по системе, а во втором – свободу, преодолевающую навязанные правила и потому более ценную. Иными словами, если язык реализуется в тексте, то текст является носителем и хранителем духовной культуры по преимуществу» (ЦИВЬЯН 1990, 49).

Дискурс в связи с этим мы будем понимать как многоаспектное явление: (1) в социально-прагматическом отношении это текст, реализованный в ситуации общения, (2) в структурно-семантическом плане это фрагмент текста выше уровня предложения. Дискурс обозначает ещё и внеязыковые семиотические процессы.

Дискурс есть целостное речевое произведение в многообразии его когнитивно-коммуникативных и прагматических функций. Связный дискурс порождается совокупностью мыслительных операций по обработке языковых и экстралингвистических данных. В процессе вос-

приятия дискурса осуществляется постоянная обработка информации, поступающей из самого дискурса, его когнитивных запасов или внешней ситуации общения.

2. Отражение языковой картины мира в категориях текста

Описание текста и его категориальных признаков с когнитивной точки зрения предполагает, с одной стороны, принятие во внимание особого статуса текстов в реализации познавательных процессов, а с другой стороны, использование для характеристики текста тех процедур анализа, которые разработаны в системе когнитивной лингвистики.

Первое положение ориентирует исследователя на то, что любой текст фиксирует некоторый фрагмент человеческого опыта и результат рефлексии над ним. Такое свойство делает текст потенциальным объектом когнитивного анализа, т.е. позволяет установить, какие реалии объективного мира привлекли внимание создающего данный текст человека; какие именно фрагменты знания и его оценок закреплены в структуре этого текста и т.д.

Второй аспект проблемы концептуального анализа текста связан с тем, что любой текст содержит некоторую информацию, а значит, рассчитан на понимание, т.е. на выявление этой информации. В таком случае текст следует рассматривать как структуру, которая благодаря своей архитектонике и всем использованным в ней языковым средствам должна способствовать формированию у адресата ментальной модели, в большей или меньшей степени соотносимой с авторским оригиналом. Так текст обеспечивает адресату выход за пределы непосредственно реализованного в самом тексте знания о мире и служит источником последующих возможных интерпретаций этого знания.

Таким образом, в перспективе когнитивного исследования текст выступает как источник формирования в нашем сознании разнообразных ассоциативных и когнитивных структур (от элементарных фреймов и «сценариев» до более сложных ментальных пространств и даже «возможных миров»). Благодаря этому своему свойству текст вовлекает адресата в такого рода когнитивную деятельность, которая имеет дело с осмыслением человеческого опыта, зафиксированного в описаниях объективной реальности, и способствующего созданию новых возможностей познания этой реальности (см. КУБЯКОВА 2001, 81).

Подобное понимание феномена текста следует спроецировать на проблему состава и природы текстовых категорий.

Как известно, в лингвистике текста нет единого мнения о составе категорий текста, не решен вопрос об основаниях классификации этих категорий. Но тот факт, что основными онтологическими свойствами текста являются категории цельности (когерентности) и связности (когезии), признаются практически всеми, хотя и сами эти категории, и соотношение между ними трактуются неоднозначно. Иногда термины *цельность* и *связность* употребляются как синонимы. Но в большинстве случаев предпринимаются попытки разграничить эти понятия.

В рамках данного исследования мы различаем цельность и связность текста, признавая, что цельность представляет собой смысловое единство текста, а связность – формальное выражение цельности (ХАРЛАМОВА 2000, 6). Следовательно, цельность связана с планом содержания текста, а связность – с планом выражения, поэтому фактически можно говорить о наличии оснований для объединения обеих категорий в одну, хотя в реальной речевой действительности между цельностью и связностью поставить знак равенства не представляется возможным.

2.1. Цельность в когнитивном аспекте

Описание системы естественного языка в лингвистике производится на основе наблюдаемого факта – реально существующего текста. При этом существенно, что текст способен выступать как единое целое, выполняя единую функцию в системе культуры.

«Из всей совокупности сообщений на естественном языке культура выделяет и учитывает лишь те, которые могут быть определены как некоторый речевой жанр, например, «молитва», «закон», «роман» и пр., то есть обладает некоторым целостным значением и выполняет единую функцию» (ИВАНОВ, ЛОТМАН 1973, 13).

Подобный семиотический подход к тексту способствовал тому, что выделение цельности, или когерентности (от лат. *cohaerens* – ‘связный, взаимосвязанный’) как одного из основных свойств текста и дискурса, а также учет ее при анализе дали возможность разрабатывать методики точного описания структуры целого текста (АКИШИНА 1979; ИССЛЕДОВАНИЯ ПО СТРУКТУРЕ 1987), вскрыть в этой структуре ряд важных принципов и закономерностей, по которым текст монтируется из составляющих его частей.

С точки зрения когнитивного подхода, описание целого текста предполагает экспликацию некоторого “результатирующего” семантического образования – концепции (фрагмента мира), ради которой и создается текст (ДЫМАРСКИЙ 2000, 262). В этом случае методика концептуального анализа текста направлена на построение образа или ментального представления, соответствующего сущности фиксируемого текстом фрагмента действительности, – *прототипа текста* (в понимании А.В. Бондарко (см. БОНДАРКО 2001). Когнитивные модели значения целого текста можно описать посредством эталонных репрезентантов (эталонных вариантов), в которых аккумулируется знание человека о мире. Такие репрезентативные ментальные образы обнаруживаются в *прототипических текстах*, представляющих определенный фрагмент действительности с наибольшей концентрацией специфических для него признаков.

Вводя понятие прототипического текста, мы планируем выбрать для анализа такую группу текстов, которые наглядно демонстрируют свою архитектуру и внутреннюю организацию. К прототипическим текстам можно отнести письма и небольшие инструкции, тексты-интервью, рецепты, рекламные тексты и т. п. Все это тексты небольшого объема, представляющие собой непосредственную материальную данность, обладающие четко выраженными пределами. Они демонстрируют такие важные характеристики текста, как его отдельность, формальную и семантическую самодостаточность, тематическую определенность и завершенность. Подобные тексты информативны, очевидна их когнитивная пресуппозиция – общий замысел и реализованный в особой языковой форме итог создания в виде особого семантического пространства.

Это пространство цельного текста создается на разных уровнях – лексическом, синтаксическом, а также интертекстуальном.

На *лексическом* уровне единицы семантического пространства не равны единицам языка, скорее они представляют собой «значимые в смысле «вещественном», а не реляционные языковые элементы», в качестве которых Т.М. Николаева выделяет корни слов (близкие или отдаленные генетически); сложные слова (как сокращенные трансформации реальных (существовавших или существующих более развернутых текстов); отдельные лексемы (НИКОЛАЕВА 1987, 45). Анализируя единицы лексического уровня, исследователь стремится из эмпирии отдельных фактов «прорваться наверх», к общему смыслу, который закреплён на некоторых «опорных точках» – словах «сгущенной семантики», словах-концептах. Благодаря присутствию в тексте таких «то-

чек» и оказывается возможным поиск глубинных смыслов, которые стоят за лежащим на поверхности и всем известным первым значением слова и его определяют. Знание скрытых значений важно для интерпретатора, поскольку такие значения непосредственно выводятся из внеязыкового мира и отражают прямую связь с реальностью. Притяжение, сближение этих значений в семантическом пространстве целостного текста дает возможность связать лексемы, не ассоциирующиеся словарно и этимологически. Это происходит тогда, когда слово оказывается помещенным в такие контексты, которые сами «предлагают» возможные семантические мотивировки. В таких контекстах слово начинает обрывать окказиональными смыслами, которые проявляются и воплощаются в тексте (ср. понятие «тесноты стихового ряда», введенное Ю.Н. Тыняновым для определения механизма отношений между словами внутри текста, а также того, каким образом в тексте создается некоторый слитный «групповой смысл», распространяющийся на все элементы текстовой структуры).

На уровне *синтаксической* архитектоники текста основными средствами, обеспечивающими структурную цельность текста, являются индикаторы анафорической и катафорической связи, актуального членения, единства временного и модального планов и др. Благодаря этим средствам, текст как материальный объект существует в реальном времени и пространстве. Несмотря на возможность вычленения таких средств, они обеспечивают монолитность текста с помощью системы различных связей (в первую очередь, содержательной).

На уровне *интертекстуальных* связей текст сопоставляется с вне-текстовым пространством, которое оказывает существенное влияние на процесс смыслообразования. В этом случае основой генерирования смысла станет переключение из одной системы семиотического осознания текста в другую. Существует два уровня такого переключения: *внешний*, отделяющий текст от не-текста (т.е. от запредельного по отношению к тексту мира) и *внутренний*, разделяющий внутри самого текста множество субтекстов (цитат, отсылок, реминисценций, за которыми – определенный «культурные коды»). В зависимости от авторского замысла может возникнуть ситуация перераспределения структуры текста, влекущая потерю равновесия единого текстового целого, а значит, и составляющих это целое субтекстов. В результате создается момент игры, позволяющий наглядно продемонстрировать неоднородность текста и разглядеть ту «питательную среду», в которую текст погружен. Таким образом, сквозь призму интертекстуальности можно

увидеть, как происходит интеграция различных языков культуры, проходящих сквозь текст, в единую материю, этот текст организующую.

2.2. Связность в когнитивном аспекте

Связность признается большинством исследователей основной характеристикой текста, обеспечивающей его структурирование и функционирование в качестве речевой единицы. Именно благодаря связности, или когезии (от англ. *cohesion* – ‘сцепление’), некоторая последовательность предложений становится текстом.

Исследования этой категории осуществлялись в рамках лингвистики текста, теории актуального членения, психолингвистики и были направлены на изучение целого комплекса проблем, касающихся проявлений связности как в явном, так и в скрытом, глубинном, виде (СИНТАКСИС ТЕКСТА 1979; ГАЛЫПЕРИН 1981; МАҮЕНОВА 1971).

Если принять подход к тексту как результату, продукту дискурса, необходимо первоначально выяснить, что обуславливает характер и средства связи элементов дискурса. Иначе говоря, дискурсивный анализ текста предполагает определение того, какие поверхностные структуры манифестированы и какие отношения и связи установлены между ними. Структурно-семантический подход исчерпывающего ответа на эти вопросы не даёт. В рамках традиционной лингвистики выявлены различные лексические и грамматические элементы, которые рассматриваются лишь в качестве эксплицитных показателей связи между как минимум двумя компонентами текста. Так, по способу выражения отношений между компонентами текста традиционно выделяют когезию *лексическую* (лексико-семантическую) и *грамматическую* (дейктическую и синтаксическую).

Специфика лексико-семантической когезии состоит в том, что глобальная связность дискурса опирается на соотнесенность элементов лексической системы, наиболее значимых для передачи содержания текста. Эта совокупность является своеобразным понятийным полем, в которое вовлечены элементы семантической структуры.

Основным способом выражения отношений грамматической когезии является местоименная референция. Для построения дискурса, базирующегося на отношениях дейктической референции, говорящим используются также модальные слова и частицы, получившие статус дискурсивных слов. Синтаксическое представление отношений когезии опирается на довольно широкий диапазон средств (соотношение модально-временных планов, параллелизм структур, порядок слов, ак-

туальное членение, эллипсис, бессоюзие и т.п.), поддерживаемых интонационно.

Средства лексической и грамматической когезии взаимодействуют при порождении речи. Изменение правил и норм их употребления, искусственное исключение какого-либо из этих средств приводит к нарушению структурной связности текста.

Предварительный анализ текстовых коннекторов позволяет утверждать, что, с точки зрения автора, текст не может быть бессвязным. Поэтому связность должна пониматься как семантическая (интерпретационная) категория.

На сегодняшний день изучение связности как семантической категории соотносится с проблемами представления знаний и может осуществляться в рамках когнитивного подхода, который не ограничивается поверхностными текстовыми структурами, а раскрывает суть глубинных когнитивных механизмов языка, лежащих в основе воплощенного в тексте авторского знания о мире, а также в процедуре интерпретации текста. Анализ когнитивного аспекта средств формирования связности включает функционально-когнитивное моделирование связности текста на базе его информационно-смыслового анализа.

Такой анализ, по мнению Е. Бартминьского, должен (1) подчеркнуть зависимость интерпретации связности от отношений между темой и ремой (Т:R) отдельных высказываний, составляющих текст (и в частности, от способа понимания значения лексемы, занимающей позицию темы, а также от условий, определяющих последовательность рем в этом тексте (R:R)); (2) отметить зависимость семантики слова (темы) от того широкого фона, который формирует языковая картина мира (БАРТМИНЬСКИЙ 2005, 299). При этом *языковая картина мира* «является закреплением комплекса отношений, содержащихся в языковой структуре текста и вытекающих из знания о внеязыковом мире» (IBID., 305). Если в тексте реализуется *стандартная* картина мира, то описываемым в данном тексте объектам реальности приписываются известные, стандартные признаки (стереотипы). Такие модели мира закреплены в общей языковой компетенции носителей языка и отражают общепринятое знание о мире. Если же ремы отдельных высказываний сообщают о событиях, которые не вписываются в систему привычных представлений об объектах (темах), значит, в тексте воплощена модель *нестандартной* картины мира. Стандартность либо нестандартность признаков объектов обусловлена прагматическими установками автора, а также типом дискурса, определяющего жанрово-стилевые характеристики текста.

Особенности реализации языковой картины мира на уровне текста интересно проследить на примере такого дискурса, который изначально совмещает знание о реальном мире и мире идеальном, понимаемом религиозно. Речь идет о *теодискурсе*.

3. Религиозный дискурс как способ отражения религиозной картины мира

Религиозный дискурс (*теодискурс*) представляет собой институциональное общение, целью которого является приобщение к вере или укрепление веры в Бога. Содержанием теодискурса являются сакральные тексты и их религиозная интерпретация, а также религиозные ритуалы (см. Мечковская 1998; Успенский 2006). Анализ этого дискурса позволяет вскрыть глубинные характеристики религиозной коммуникации и религиозной модели мира, а также представляет интерес для лингвистического изучения структуры дискурса и построения его типологии.

Будучи основой специфической интерпретации действительности, религиозный дискурс конструирует свою реальность, которая существует параллельно светской жизни. Религиозная онтология предполагает преобладание духовного начала над материальным, аскетизм, особую этику поведения и т.д., что складывается в специфическую картину осмысления мира, присущую религиозному человеку.

Религиозный дискурс представляет собой ритуал и строится как неуклонное следование ритуальным нормам. Поведение, а также образ мышления верующего человека спрогнозированы заранее и предопределены с позиции канона: человеку предписано поступать определенным образом, если он хочет быть правоверным.

Для религиозного дискурса характерна особая аксиологическая система. Ценности религиозного дискурса сводятся к ценностям веры – это признание существования Бога, представление о грехе и праведности, вера в чудеса и др. Аксиологическую картину теодискурса можно представить в виде оппозиций: «добро/зло», «жизнь/смерть», «небесное/земное», «правый/левый» и т.д.

Наиболее характерные черты теодискурса проявляются в *молитве* – одной из первичных форм существования этого дискурса. Молитва по своей форме представляет монолог, но вместе с тем обладает признаками диалогичности (поскольку верующий находится в постоянном внутреннем диалоге с Богом). Семантика молитвы предполагает обращение, просьбу к Всевышнему. При этом обратная реакция адресата –

Бога – не имеет вербального выражения, но моделируется в сознании адресанта. Таким образом, текст молитвы имеет два плана – *эксплицитный* (содержательное ядро молитвы) и *имплицитный* (внутренний, скрытый). При этом имплицитный план представляет собой конструируемый в сознании самого адресанта ответ на его же молитву, некое прогнозирование, скрытое от восприятия, но более содержательное, нежели вербальная часть молитвенного текста.

В контексте нашего исследования концептуальный анализ молитвенного текста представляется весьма актуальным, поскольку этот текст в значительной степени соответствует модели *прототипического текста* (см. п. 2.1), внутренняя структура которого, как правило, наглядна и регулярна. Кроме того, в молитвенном тексте непротиворечиво обнаруживается авторская интенция, заданная прагматикой молитвы.

4. Реализация сакральной и профанной картин мира в тексте древнеславянской молитвы

Анализируя далее прототипическую структуру текста древнеславянской молитвы, мы осуществим ее концептуальный анализ на материале двух фрагментов из Фрейзингенских отрывков¹ (*Фп I* и *Фп III*), а также славянского перевода Сант-Эммерамской молитвы (**Чинъ надъ исповѣдающимсѧ**)² (*ЧИ*).

Интересующие нас памятники принадлежат к жанру исповедальной молитвы. Они соотносимы по длине текста: *Фп I* состоит из 322 слов, *Фп III* – 265, *ЧИ* – 243. Кроме того, их объединяет то, что это переводные тексты, оригиналы которых восходят к баварским исповедям на древневерхненемецком языке (VONDRÁK 1896, КАРЛИНСКИЙ 1969). Текстологическая близость трех памятников – наличие в их структурах значительных по объему параллельных мест – дает возможность смо-

¹ Фрейзингенские отрывки содержатся в рукописи II половины X в., в которой тексты на славянском языке записаны латинскими буквами. Анализ языковых данных и установление оригиналов, с которых переводились славянские тексты, показывает, что эти отрывки списаны с прототекстов, записанных, по-видимому, еще в Моравии в I половине IX в.

² Старобаварская (Сант-Эммерамская) молитва включена в состав глаголического Синайского евхология (л. 72а–72в), который, как известно, входит в число старославянских текстов узкого канона.

делировать стандартную картину мира, отраженную не только на уровне авторского замысла и текстовой прагматики, но также на уровне формально-содержательных структур, благодаря которым тексты воспринимаются как цельные и связные. Сравнивая эти структуры, мы определим общие принципы организации таких древних текстов, которые стали прецедентными, а значит релевантными для дальнейшего развития славянского религиозного дискурса.

Как показало сравнение памятников, *Фн I* и *ЧИ* обладают текстовой завершенностью, о чем свидетельствует наличие маркеров зачина (*Воје gozpodi miloztiuvi otze* (*Фн I. 2*)³ и *г҃ѣ б҃же всемогѣи* (*ЧИ, 72а, 5*)⁴) и концовки (*amen* (*Фн I. 35*) и *нынѣ и присно и въ вѣкы вѣкомъ* (*ЧИ, 73а, 1*)). Текст *Фн III* не имеет традиционной начальной формулы (он начинается со слов отречения от дьявола), но имеет двойное *AMEN amen* (*Фн III. 75*). По мнению А.Е. Супруна, два возгласа в *Фн III* (первый, записанный заглавными буквами, и второй, записанный строчными) предназначены для разных адресантов – соответственно для хора, исполняющего текст молитвы, и для священника, принимающего участие в чине исповеди, который также произносит начальную строку *Фн I* «*Glagolite po naz redka zloueza*» - «*Произносите вслед за нами медленно слова*» (*Фн I. 1*), побуждая прихожан к последующему речевому поведению (СУПРУН 1996, 268).

Речевое поведение всех участников исповеди позволяет им вступить в иерархический кортеж сложной речевой ситуации, в которой совмещены три речевых акта. В первом речевом акте (А) задействованы автор/авторы текстов исповеди, передающий свои произведения церкви для их последующего использования, и священник, который должен озвучивать эти тексты в присутствии паствы, призывая к исповеди. Второй речевой акт (В) представляет собой молитвенное обращение прихожан, которые адресуют свою исповедь Богу (что выражается грамматически с помощью вокативов *Bože, gozpodi, otze*). Обращение к Богу как основному адресату исповеди является общим местом в структуре текста исповедальной молитвы, о чем свидетельству-

³ Здесь и далее Фрейзингенские памятники цитируются с указанием порядкового номера (*Фп I*, *Фп III*) и номера строки по изданию: *Brižinski spomeniki / Znanstvenokritična izdaja* (1992). Ljubljana.

⁴ Чинъ надъ исповѣдающимися цитируется в кириллической транслитерации с указанием номера листа рукописи и номера строки по изданию: Nachtigal, R. (1942), *Euchologium Sinaiticum*. Ljubljana.

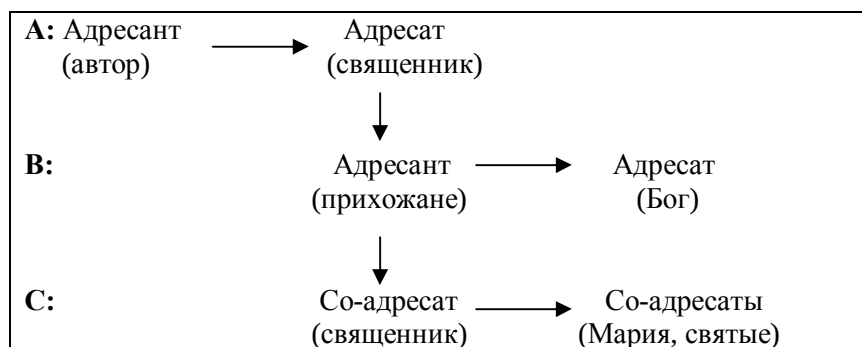
ет наличие почти дословных текстовых совпадений в трех анализируемых древнеславянских памятниках:

- (1) *tebe izpovuede vues moi greh* (*Фн I. 2*) и *I tebe bofi rabe choku biti izpovueden useh moi h grah* (*Фн I. 7-8*)
- (2) *Bogu usemogokemu izpouuede use moie greche* (*Фн III. 25-27*)
- (3) *тѣбѣ вѣдѣ азъ исповѣденъ всѣхъ моихъ грѣхъ* (*ЧИ, 72а, 5-7*)

В ситуации третьего речевого акта (С) славянские молитвы демонстрируют такую особенность, как привлечение в кортеж со-адресатов исповеди. Помимо Бога, прихожане исповедаются

- (1) *I zuetemu crestu. I zuetei Marii. I zuetemu Michaelu. I uuizem cri-latcem bofiem. I suetemu Petru. I usem zelom bofiem. I usem mufenicom bofiem. I usem vuernicom bofiem. I uzem devuam praudnim. I uzem praudnim* (*Фн I. 3-7*).
- (2) *Toje izco iega milosti I fce Mariae. I fce Michaela. I sce Petra. I ufeh bosih zil. I ufeh bofih mofenic. I ufeh bofih zaconnic. I ufeh zuetih deuuiz. I uuze h bofih moki* (*Фн III. 11-19*) и *Togo uzego ispouueden bodo bogu i sce Marii i sco Laurenzu* (*Фн III. 41-44*).

Все три речевых акта, реализованных в текстах древнеславянских исповедей, могут быть объединены в следующую схему (по А.Е. Супруну)

Очевидно, что участники кортежа исповеди принадлежат к разным мирам: сакральному (Бог и все праведники) и профанному (грешные люди).

Мир *сакрального* проявляется в первую очередь в именах. Номинации Бога даны, как правило, в форме вокатива: *Boſe gozpodi miloſtiuvi otze boſe* (*Фн I. 2*), *Boſe gozpodi miloſtivi* (*Фн I. 21*), *edin bog gozpod zuueti* (*Фн III. 8-9*), *boſe goſpodi* (*Фн III. 51*), *Criſte boſi ſinu* (*Фн III. 67*), *г҃ б҃же всемог҃ъи* (*ЧИ, 72a, 5*), *всевадко г҃* (*ЧИ, 72b, 4*), *тронце б҃же всемог҃ъи* (*ЧИ, 72b, 4*), *г҃ б҃же сн҃ь г҃* (*ЧИ, 72b, 13*). Вместе с рядом местоименных замен (*ti* - *ты* в разных падежах) имена Божии формируют доминанту анализируемых текстов. Имена духовных существ и святых даются в рядах перечислений с соблюдением определенной иерархии: от Девы Марии, архангела Михаила и *crilatcev* (ангелов) до Божиих мучеников и законников. Во всех случаях узнаваемое сакральное имя обеспечивает глубинное восприятие денотата и ориентирует на исключительность, неповторимость этого восприятия. Так акт узнавания (или «напоминания») становится аналогичным акту познания, а «язык имен», стимулирующий установление отождествлений и эквивалентностей, порождает определенное состояние сознания.

Важнейшие концепты сакрального мира, упомянутые в молитвах (*zuety crest, sancte, nebesa, vuezni ſivuot, miloſt, сила і мѣдрость, праведенъ замысль і добра воля съ праведьноѹ вѣроѹ*), позволяют верующему приобщиться Царствию Божию. Все, что идет от Бога и связано с ним, имеет непреходящую ценность. Среди ценностей сакрального мира постулируются божественная сила, праведность, безграничная власть, вечность божественного, божественное как источник мудрости и как нисходящая на человека благодать, истинность суда Бога, божественное как защита человека. Эти концепты имеют широкий ассоциативный потенциал.

Мир *профанного* антиномичен. Он изначально противопоставлен «тому свету», поскольку подвержен греху. Пространные перечисления человеческих грехов на «этом свете» – обязательная составляющая текстов древнеславянской исповеди. Эти перечисления выстраиваются по принципу противопоставления (с помощью союза *ili*) и в ряде мест совпадают текстологически:

(1) *Eſe pomngu ili ne pomngu. Ili vuolu ili nevuolu. Ili vuede ili ne vuede. Ili u nepraudnei rote ili u lſi. Ili tatbe ili zavuiſti ili v uzmaſi ili v ſiniſtue ili eſe mi ſe tomu choſelo emuſe mi bi ne doſtalo choſeti. Ili v poglagolani ili ſpe ili ne zpe. Ili eſe iezem ne zpaſal nedela ni zueta vuezera ni mega poſta.* (*Фн I. 13-19*).

(2) *E/fe iesem u uede ztuoril ili ne uuede, nudmi ili lubmi, zpe ili bde. U spitnih rotah. V li/nih refih. V tatbinah. U sniciftve . U lacomztue. V lichogeden. V lichopiti. U uzmastue. I u usem lichodiani.* (Фн III. 30-33) *глѡмъ ли дѣломъ ли помышлениемъ всего еже азъ помынь лю-бо не помынь. ѣже азъ свѣды съгрѣшихъ любо не съвѣды. нѣждежъ любо не нѣждежъ съпа ли бѣда ли хоклаѣтъ и лѣжа* (ЧИ, 72а, 6-20).

Двойное перечисление условий совершения греха (*E/fe pomngu ili ne pomngu* – *помынь любо не помынь*; *ili vuede ili ne vuede* – *свѣды съгрѣшихъ любо не съвѣды*; , *zpe ili bde* – *съпа ли бѣда*) не только усложняет структуру текста, но также связывает текст на уровне лексических повторов, маркированных положительно либо отрицательно. Так представляется возможным подтвердить предположение о том, что «общий организационный принцип древнего текста – сконцентрировать повторяющуюся идею, сосредоточить на небольшом пространстве, сплавить формальным повторением сходных конструкций» (КОЖИНОВА 1996, 32).

Далее исповедь предполагает отречение от дел греховных и посвящение себя Всевышнему. Все три текста практически одинаковым образом представляют это так:

(1) *Miloztivui bofe tebe poronfo me telo i mo dufu i moia zlovuesa i me delo i mo vuoliu i mo vueru i moi fivot* (Фн I. 26-31).

(2) *Tebe bofe milostivui porufo uza moia zlouues i moia dela i moie pomislenie i moie zridse i moie telo i moi fuiuot i moiu dufu* (Фн III. 59-67).

(3) *Въ твоѣмъ милѣсть прѣдаѣ азъ мое срдце и моѣ мысль и моѣ любовь и мон животъ и моѣ грѣхы отъложи* (ЧИ, 72а, 19-26).

Таким образом, древнейшие образцы исповедальных молитв позволяют представить генезис исповеди в следующей последовательности: (1) существование в сознании верующего этических норм и правил поведения, (2) осознание греха (неэтичного, запрещенного верой действия), (3) существование понятия о возможном наказании за совершенный грех, (4) возможность обретения через раскаяние вечной жизни и единения с Богом. Можно заметить, что данная цепочка полностью построена на причинно-следственных отношениях и с той или иной степенью вариативности формирует ядро прототипического текста исповеди.

веди. Эта последовательность представлений о праведности и греховности принадлежит к религиозной картине мира и составляет одну из возможных ее конкретизаций. Ее более исчерпывающая репрезентация предполагает анализ более объемного корпуса молитвенных текстов.

5. Принятые сокращения

ЧШ – Чинъ надъ исповѣдающимисѧ // Nachtigal, R. (1942), *Euchologium Sinaiticum*. Ljubljana.
Фн I, Фн III – Фрейзингенские памятники I, III // *Brižinski spomeniki / Znanstvenokritična izdaja* (1992). Ljubljana.

6. Литература

Абрамов, Б.А. (1974), Текст как закрытая система языковых средств, in: *Лингвистика текста. Материалы научной конференции*. Москва, 3-4.
Акишина, А.А. (1979), *Структура целого текста*. Москва.
Арутюнова, Н.Д. (1998), *Язык и мир человека*. Москва.
Аспекты общей и частной лингвистической теории текста (1982). Москва.
Бартминьский, Е. (2005), Языковая картина мира и связность текста, in: Бартминьский, Е. *Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике*. Москва, 296-319.
Бахтин, М.М. (1986), Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках, in: Бахтин, М.М. *Эстетика словесного творчества*. Москва, 297-325.
Бондарко, А.В. (2001), Лингвистика текста в системе функциональной грамматики, in: *Текст. Структура и семантика*, 1. Москва, 4-13.
ван Дейк, Т.А. (1989), *Язык. Познание. Коммуникация*. Москва.
Вежбицкая, А. (1996), *Язык. Культура. Познание*. Москва.
Верещагин, Е. М., Костомаров, В. Г. (1999), *В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик*. Москва.
Греймас, А.Ж., Курте, Ж. (1983), Семиотика: Объяснительный словарь теории языка, in: *Семиотика*. Москва, 483-550.
Демьянков, В.З. (1983), Понимание как интерпретирующая деятельность, in: *Вопросы языкознания*, 6, 58-67.
Демьянков, В.З. (1994), Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода, in: *Вопросы языкознания*, 4, 17-33.
Дымарский, М.Я. (2000), Дейктический модус текста и единицы текстообразования (на материале русского языка), in: *Проблемы функциональной грамматики: Категории морфологии и синтаксиса в высказывании*. Санкт-Петербург.
Гальперин, И.Р. (1981), *Текст как объект лингвистического исследования*. Москва.
Гаспаров, Б.Н. (1996), *Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования*. Москва.
Иванов, Вяч.Вс., Лотман, Ю.М., Пятигорский, А.М., Топоров, В.Н., Успенский, Б.А. (1973), Тезисы к семиотическому изучению культур (в применении к славянским текстам), in: *Semiotyka i struktura tekstu*, Warszawa, 9-32.
Из работ московского семиотического круга (1997). Москва.
Исследования по структуре текста (1987). Москва.

- Караулов, Ю.Н. (1987), *Русский язык и языковая личность*, Москва.
- Карлинский, А.Е. (1969), Старославянская версия Сант-Эммерамской молитвы, in: *Типология и взаимодействие славянских и германских языков*. Минск, 135-161.
- Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса (1999). Москва.
- Кибрик, А.А. (1994), Когнитивные исследования по дискурсу, in: *Вопросы языкознания*, 5, 126-139.
- Кожина, А.А. (1996), О положении славянского перевода Свято-Эммерамской молитвы в кругу других текстов, in: *Славяно-германские языковые параллели / Slawisch-germanische Sprachparallelen* (под ред. А.Е. Супруна и Х.Яхнова). Минск, 23-36.
- Колесов, В.В. (1992), Концепт культуры: образ - понятие - символ, in: *Вестник Ленинградского университета*, 2/3, 16, 30-40.
- Колшанский, Г.В. (1978), Текст как единица коммуникации, in: *Проблемы общего и германского языкознания*. Москва, 26-37.
- Кубрякова, Е.С. (2000), О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике. Обзор, in: *Дискурс, речь, речевая деятельность*. Москва, 7-25.
- Кубрякова, Е.С. (2001), О тексте и критериях его определения, in: *Текст. Структура и семантика*, 1. Москва, 72-81.
- Кубрякова, Е.С. (2004), *Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*. Москва.
- Лакофф, Дж. (1988), Мышление в зеркале классификаторов, in: *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. Москва, 12-51.
- Лакофф, Дж. (1995), Когнитивная семантика, in: *Язык и интеллект*. Москва.
- Левин, Ю.И. (1995), *Избранные труды*. Москва.
- Логический анализ языка. Культурные концепты* (1991). Москва.
- Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке* (1995). Москва
- Логический анализ языка. Между ложью и фантазией* (отв.ред. Н.Д. Арутюнова) (2008). Москва.
- Макаров, М.Н. (1998), *Интерпретативный анализ дискурса в малой группе*. Тверь.
- Мечковская, Н.Б. (1998), *Язык и религия*. Москва.
- Москальская, О.И. (1980), Семантика текста, in: *Вопросы языкознания*, 1, 32-42.
- Москальская, О.И. (1981), *Грамматика текста*. Москва.
- Николаева, Т.М. (1987), Единицы языка и теория текста, in: *Исследования по структуре текста*. Москва, 27-57.
- Николаева, Т.М. (2000), *От звука к тексту*. Москва.
- Новиков, А.И. (1997), *Семантическое пространство текста и способы его членения. Категоризация мира: пространство и время*. Москва.
- Падучева, Е.В. (1974), *О семантике синтаксиса*. Москва.
- Падучева, Е.В. (1996), *Семантические исследования*. Ч. 2: *Семантика нарратива*. Москва.
- Реферовская, Е.А. (1983), *Лингвистические исследования структуры текста*. Ленинград.
- Сахарный, Л.В. (1991), Тексты-примитивы и закономерности их порождения, in: *Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи*. Москва, 221-237.
- Серио, П. (2001), Анализ дискурса во французской школе, in: *Семиотика: антология*. Москва.
- Синтаксис текста* (1979). Москва.
- Степанов, Ю.С. (1997), *Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования*. Москва.

- Степанов, Ю.С. (1998), *Язык и Метод. К современной философии языка*. Москва.
- Супрун, А.Е. (1996), К лексической структуре Фрейзингенских листков, in: *Zbornik Brižinski spomeniki*. Ljubljana. 267-288.
- Телия, В.Н. (1996), *Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингво-культурологический аспекты*. Москва.
- Успенский, Б.А. (2006), *Крест и круг. Из истории христианской символики*. Москва.
- Харламова, Т.В. (2000), *Текстообразующие средства в устной речи (на материале русского и английского языков)*. Автореферат кандидатской диссертации. Саратов.
- Цивьян, Т.В. (1990), *Лингвистические основы балканской модели мира*. Москва.
- Шмелев, А.Д. (2002), *Русская языковая модель мира. Опыт словаря*. Москва.
- Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа (1994). Москва.
- Agricola, E. (1979), *Textstruktur, Textanalyse, Informationskern*. Leipzig.
- Bogusławski, A. (1978), Термин «пресуппозиция» и понятийный аппарат теории текста, in: *Tekst, język, poetyka*. Warszawa, 7-28.
- Bussmann, H. (1990), *Lexicon der Sprachwissenschaft*. Stuttgart.
- Daneš, F. (1971), On linguistic strata (levels), in: *Travaux Linguistics de Prague*, X, 127-148.
- Dressler, W. (1972), *Einführung in die Textlinguistik*. Tübingen.
- Felix, S.W., Kanngiesser, S., Rickheit, G. (1990), Perspektiven der Kognitiven Linguistik, in: Felix, S.W., Kanngiesser, S.R.G. (eds.). *Sprache und Wissen: Studien zur Kognitiven Linguistik*. Opladen, 5-36.
- Garnham, A. (1987), *Mental models as representations of discourse and text*. Chichester.
- Helbig, G. (1986), *Entwicklung der Sprachwissenschaft seit 1970*. Leipzig.
- Langacker, R. (2002), *Concept, Image, and Symbol*. 2-nd edition. Berlin, New York.
- Lieb, H.-H. (1987), Sprache und Intentionalität: Der Zusammenbruch des Kognitivismus, in: *Sprachtheorie: Der Sprachbegriff in Wissenschaft und Alltag*. Düsseldorf, 11-76.
- Mayenowa, M.R. (ed.) (1971), *O spójności tekstu*. Wrocław.
- O'Halloran, K. (2003), *Critical Discourse Analysis and Language Cognition*. Edinburgh.
- Panagl, O., Wodak, R. (eds) (2004), *Text und Kontext*. Würzburg.
- Rozengren, I (1980), Texttheorie, in: *Lexicon der germanistischen Linguistik*, II. Tübingen.
- Rudzka-Ostyn, B. (1993), *Conceptualizations and Mental Processing in Language*. Berlin; New York.
- Scalička, V. (1961), Text, context, subtext, in: *Slavica Pragensia*, 8. Praha.
- Schlesinger, I.M. (1995), *Cognitive space and linguistic space: Semantic and syntactic categories in English*. Cambridge; New York.
- Sgall, P. (1979), Remarks on text, language and communication, in: *Text vs Sentence. Basic Questions of Text Linguistics*. Hamburg, 89-100.
- Structure of Texts and Semiotics of Culture* (1973). The Hague-Paris.
- Tomšič, F. (1958), Podoba najstarejše pisne slovenščine, in: *Slavistična revija*, XI, 1-2, Ljubljana, 19-34.
- van Dijk, T.A., Kintsch, W. (1983), *Strategies of Discourse Comprehension*. New York.
- Vondrák, W. (1896), *Frisinské památky, jich vznik a význam v slovanském písemnictví*. Praha.
- Weinrich, H. (1976), *Sprache in Texten*. Stuttgart.
- Wodak, R. (1996), *Disorders in Discourse*. London.
- Wodak, R., Meyer, M. (eds) (2001), *Methods of Critical Discourse Analysis*. London.